

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82-1

В.П. Федорова¹, Д. Яхшимуратов²,
¹Курганский государственный университет,
 Курган
²Школа № 10, Ниязов,
 Республика Туркменистан

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОГО СЮЖЕТА О ПОБЕДЕ БЕДНЯКА

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие туркменского колорита международного сюжета о победе бедняка в конфликте с шахом и визирем. Отмечаются специфика образной системы, пространства, лексика. Раскрывается значение структуры сказки в реализации ее содержания. Исследование строится на тексте, опубликованном в десятитомном своде «Сказки народов мира»: Сказки народов Сибири, Средней Азии и Казахстана [3, с. 303-311].

Ключевые слова: сказка, сюжет, образная система, текст, тотемизм, мифология.

V. P. Fedorova¹, D. Yahshimuratov²
¹Kurgan state University, Kurgan
²School No.10, Niyazov,
 Republic Turkmenistan

NATIONAL IDENTITY OF INTERNATIONAL STORY ABOUT THE VICTORY OF THE POOR

Abstract. The article deals with the peculiarity of the Turkmen color of the international story about the victory of the poor in the conflict with the Shah and the vizier. The specificity of the image system, space, vocabulary is noted. The importance of the structure of the fairy tale in the implementation of its content is revealed. The study is based on the text published in the ten-volume set of "Tales of the peoples of the world": Tales of the peoples of Siberia, Central Asia and Kazakhstan [3, pp. 303-311].

Keywords: fairy tale, plot, image system, text, totemism, mythology.

Сюжет сказки прост: во время ливня мальчик-бедняк, пастушок спрятался в укромном месте – за ухом старого верблюда. Из своего укромного места он подает голос, который всеми воспринимается как чудо. Воспользовавшись этим обстоятельством, мальчик способствует тому, что вода, так нужная в Туркмении, направляется и на поля

бедняков, а не только дает жизнь земле Хана и визиря.

Сказка своеобразна по структуре. Она открывается мотивом роли воды в пространстве Туркмении. Причем в зачине использована пословица – сгусток народной мысли: «Где вода, там и жизнь, – так говорит народ. – Но если вода бьет тебя по плечам, стекает за ворот халата и, сбивая с ног, несется навстречу бурным потоком, не рад будешь и воде» [3, с. 303].

Этот мотив является стержнем произведения: вокруг него концентрируются другие мотивы. Важность заключения о роли воды подчеркнута концовкой: «А вода по-прежнему текла к бедным аулам. Она журчала в быстрых прозрачных арыках, и каждую весну зеленели на полях пшеница и хлопок. Зеленели, потому что "где вода, там и жизнь", как говорит старинная мудрость. Так я сказал, а что не сказал – другие придут и скажут» [3, с. 311].

Кольцевой композицией объединены диалоги, действия, связанные мотивом живительной силы воды. Обратимся к тексту:

В соответствии с мировой мифологией вода предстает в двух значениях: она дает жизнь, она же отбирает ее, заставляя людей быть осторожными: «В самых различных мифологиях вода – первоначало, исходное состояние всего существующего...» [4, с. 240]

Вместе с тем вода – бездна, хаос. Она разделяет и объединяет два мира: мир мертвых и мир живых. В анализируемой нами сказке амбивалентность воды заявлена в зачине. С одной стороны, где вода – там жизнь, но если она начнет бушевать – смерть. В пограничную ситуацию между жизнью и смертью попадает мальчик Ярты: «Ярты был еще далеко в поле, когда небо закрыла большая черная туча. Мальчик заторопился к дому. Он изо всех сил погонял старого верблюда, но старый верблюд не умел скакать, и ливень застал малыша на дороге. Ударил гром, а степь превратилась в бурное море. Такого дождя Ярты никогда еще не видел. Он сразу промок до нитки и, вцепившись в спину верблюда, со страхом думал: "Если дождь сбросит меня на землю, я утону в бурных потоках и никогда больше не увижу ни матери, ни отца". Надо было спасаться. Ярты собрал все свои силы и пополз по длинной шее верблюда. Он знал, что делал: добравшись до головы животного, он спрятался в своем любимом месте – под мягким верблюжьим ухом» [3, с. 303–304].

В тексте сказки главный акцент сделан на положительном содержании воды как главном образе. Она – основной предмет диалогов. Визирь настаивает на том, что плотину надо строить на землях Хана. Он предполагает, что вода достанется и ему. Но мальчик, спрятавшись за ухом верблюда, поручает «говорить» животному, настаивая на том, чтобы плотину построили высоко в горах. Тогда вода достанется всем: « «– Не строй плотины, как советует тебе коварный визирь! Помни:

прежде чем войти в твоё ханство, твоё река протекает через много земель и царств и повсюду теряет воду. Не в твоих землях надо строить плотину. Её надо строить там, где снега питают реку, – на вершинах высоких гор. Вот тогда ты завладеешь всей водой под солнцем и, не вынимая меча из ножен, победишь всех владык вселенной!» Верблюд закончил говорить и поклонился хану, а хан обнял его колючую шею и поцеловал верблюда прямо в губы» [3, с. 310].

Вода видится туркменам центром жизни общества, центром пространства. Она объединяет степь и горные вершины, куда только гордые птицы и трудолюбивые крестьяне могут добраться.

Черты этнической жизни туркмен особенно ярко предстают через изображение быта. В частности, характерна фигура звездочета, изображенного в комическом плане. Сказка использует оксюморон: звездочет, заявляющий о своем владении чудесным даром разгадывать загадки мироздания, услышал крик испуганного мальчика и голос «верблюда»: «Он очень обрадовался, потому что давно уже искал какое-нибудь чудо, чтобы удивить им своего владыку – грозного хана. Звездочет схватил верблюда за повод и потащил прочь из аула. Ярты испугался и закричал: – Эй, дядя, оставь скотину! Не тронь того, что тебе не принадлежит! – Но мальчик кричал напрасно: звездочет не слушал его, он даже радовался, что чудесный верблюд умеет не только разговаривать, но и сердиться. Последние годы звездочет не был в почете у хана. Был он лекарем и толкователем снов во дворце владыки, но от его лекарств хану становилось только хуже, а все его предсказания никогда не сбывались» [3, с. 305].

Необходимо обратить внимание на то, что туркменские сказочники используют мотив чуда. Э. В. Померанцева выявила типологию героев – «изобретательных, удачливых» [5, с. 91]. В отличие от героев волшебной сказки, герои бытовых сказок «творят чудеса» в быту, пользуясь доверчивостью и глупостью верующих в чудо людей. Сказка высмеивает жадность приближенных к хану людей, их чрезмерное угодничество. Пример тому – звездочет. Его речь – самовосхваление, противоречит реальности. Мнимое чудо – константный мотив этой сказки: «говорящий» верблюд вступает в диалог с визирем, звездочетом, ханом. Число 100 является средством создания комического. Так, верблюд будто бы сообщает о чудесном в своей жизни: «Повесть моей жизни длинна и печальна, как дорога пустыни. Тысячу лет назад я строил хрустальный мост от земли до неба. Я строил его для злой и коварной волшебницы – пери. Но однажды я поссорился с ней, и она превратила меня в верблюда. Однако я сумел сохранить все свои знания и свою мудрость и сейчас, грозный хан, хочу предостеречь тебя от больших несчастий!» – так сказал верблюд, и хан затрясся от страха. Он вскочил с парчовых подушек и закричал: «Говори, мудрейший, всю правду

и ничего не бойся!» [3, с. 309–310].

Сказители передали восточный колорит жизни хана: обилие подушек, на которых восседает хан, множество слуг, прекрасный сад: «Он вступил в ханский сад. Сад был украшен цветами, беседками и фонтанами. Посреди сада, на лужайке, окруженной тремя арыками, под тенью виноградных листьев, на высоких, шитых золотом подушках, сидел грозный хан – владыка и повелитель, милующий и карающий. Хан беседовал со своими приближенными, и знатные визири слушали его, разинув рты и боясь пропустить хотя бы одно ханское слово – так они трепетали перед ним» [3, с. 307].

Восточный колорит создает своеобразие освоения пространства: вереница закрытых дворов, фонтан, глинобитные стены: «Так они подошли к высокой глинобитной стене, окружавшей ханский дворец. Стены были украшены башнями, а на башнях стояли ханские воины и во все глаза смотрели на дорогу. Но звездочет даже не взглянул на них. Он гордо поднял голову, и медные ворота дворца раскрылись перед ним. Звездочет вошел в первый двор. Здесь у коновязи стояли ханские красавцы кони, а вокруг коней сустились разодетые слуги. Но и на них не посмотрел гордый звездочет. Он еще выше поднял голову, и вторые – серебряные – ворота распахнулись перед ним. Он вошел во второй двор. Посреди двора бил высокий фонтан. В самые знойные дни здесь царил прохлада. В этом дворе сидели советники хана и играли в кости, ожидая приказаний владыки. Они с удивлением посмотрели сперва на звездочета, потом на его верблюда, но старик не удостоил их даже взглядом» [3, с. 306].

Отразилась в сказке средневековая модель общества Востока: хан, визирь, звездочет, рабы. Сказка донесла своеобразие восточного стиля речи, в которой избыточны слова: «мудрейший», «щедрый хан», «о, премудрый», «о, умнейший из умнейших», «о, великий из великих», «вот мой говорящий верблюд, равного которому нет в белом свете».

Анализ сказки привел к выводу о том, что в ней воплощено народное представление о том, как должно быть и как не должно. Это общечеловеческая идея. Однако данная сказка отразила восточный колорит. Действие развивается в обстановке, придуманной рассказчиками. Бытовые черты явно из мира Востока, но предстают они вне конкретики.

В мировоззренческом отношении сказка двупланова. С одной стороны, содержанием она обращена к реальной жизни, социальным проблемам [2, с. 101]. Однако легко просматривается древняя основа: помощь тотема – верблюда. Характерно наделение его, хотя и в рамках сказочной эстетики, речью: сохранение древнего вымысла способствовало сохранению «ясно осознаваемой условности» [1, с. 180].

В. Я. Пропп верно раскрыл сущность тотемизма, проявляющуюся в обожествлении животного

го, которое представляется более совершенным, чем сам человек. В анализируемой сказке черты тотемизма угадываются, однако они предстают переосмысленными, выполняющими функцию развенчания социальных и общечеловеческих пороков. По верному замечанию В. Я. Проппа, в этих текстах выдумка не заслоняет реальную жизнь [6, с. 271].

Библиографический список

- 1 Аникин В. П. *Русская народная сказка* / В. П. Аникин. – Москва : Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин. просвещения РСФСР. – 1959. – 254 с.
- 2 Ведерникова Н. М. *Русская народная сказка* / Н. М. Ведерникова. – Москва : Наука, 1975. – 132 с.
- 3 Говорящий верблюд // *Сказки народов мира : в 10 т. Т. 10. Сказки народов Сибири, Средней Азии и Казахстана*. – Москва : Дет. лит., 1995. – С. 303–311.
- 4 Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – Москва : Большая Российская энциклопедия : Олимп, 1998. – 671 с.
- 5 Померанцева Э. В. *Русская народная сказка* / Э. В. Померанцева. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 127 с.
- 6 Пропп В. Я. *Русская сказка* / В. Я. Пропп. – Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. – 333 с.
- 7 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Ленинград : Наука, 1979. – 437 с.
- 8 Сто сказок Южного Зауралья / сост. В. П. Федорова, Е. В. Рычкова. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 139 с.

References

- 1 Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka*. Moscow: Gos. ucheb.-pedagog. izd-vo Min. prosveshcheniya RSFSR. 1959. 254 p.
- 2 Vedernikova N. M. *Russkaya narodnaya skazka*. Moscow: Nauka. 1975. 132 p.
- 3 Govoryashchij verblyud. *Skazki narodov mira*. Vol. 10. *Skazki narodov Sibiri, Srednej Azii i Kazahstana*. Moscow: Det. lit. 1995, pp. 303–311.
- 4 Mify narodov mira : enciklopediya. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya: Olimp. 1998. 671 p.
- 5 Pomeranceva E. V. *Russkaya narodnaya skazka*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1963. 127 p.
- 6 Propp V. Ya. *Russkaya skazka*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gos. un-ta. 1984. 333 p.
- 7 Barag L. G., Berezovskij I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. *Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka. 1979. 437 p.
- 8 Fedorova V. P., Rychkova E. V. *Sto skazok Yuzhnogo Zaural'ya*. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta. 2005. 139 p.